

«У нас есть культура потребления наркотиков, но нет культуры избавления от них»

ИНТЕРВЬЮ С ВРАЧОМ НАТАЛЬЕЙ ГАЙВОРОНСКОЙ

Что самое страшное в наркомании? То, что наркоманы (и их родные) слишком поздно понимают, что они не просто «балуются наркотиками», а уже полностью зависят от них. Иногда достаточно одной инъекции, чтобы развилась наркотическая зависимость. Наркоман теряет друзей, семью, остается без работы, вовлекается в преступную среду, приносит бездну несчастий себе и окружающим, и, наконец, медленно и верно разрушает свое тело и душу.

В трудный момент, когда от него уже все отвернулись, находят люди, которые могут помочь, которые верят в него. Их мало, но они есть.

О проблемах наркологии мы говорили с врачом Натальей Гайворонской — руководителем службы социального сопровождения АНО «Центр АнтиСПИД» в Воронеже.

— Наталья Алексеевна, чем отличается Ваша организация от других наркологических центров?

— Те услуги, которые предоставляет наш Центр, практически никто не оказывает. Не каждый готов встать на учет в наркодиспансер, чтобы получить бесплатную наркологическую помощь, а он ее не получит, если не состоит на учете. Если человек, потребляющий наркотики, становится на учет, тут же вступает в силу ограничение его прав. В чем оно выражается? У кого-то из наркопотребителей есть водительские удостоверения, они работают водителями. Он готов бросить принимать наркотики, но нет денег, чтобы пройти платное лечение, а при бесплатном лечении он лишается источника дохода, как только встанет на учет. Кто же после этого захочет встать на учет в наркологическом диспансере?

— Получается, их не берут на работу?

— Если полиция задерживает водителя за какое-то правонарушение, она может пробить его по базе. Если выявят, что он состоит на учете в наркодиспансере, у него изымут водительское удостоверение. Подобных случаев можно привести много. Получается весьма непривлекательная картина: те услуги, которые наркодиспансеры готовы оказать, несопоставимы с тем, что человек теряет.

— Почему ВИЧ-инфицированный имеет право обследоваться анонимно, а в наркодиспансере это невозможно?

— Как говорят сами наркологи, проблемы возникают в связи с тем, что они не могут выписывать анонимно трамал — препарат, который снимает ломку у наркоманов. Это препарат строгого учета, и ФСКН за этим следит. Просто придти и

проконсультироваться наркозависимые могут, но бесплатного анонимного лечения не получают.

— В слове «наркоман» заложена некая фатальность. По мнению специалистов, от этого недуга невозможно избавиться, невозможно излечиться психически, и тогда зачем с ними возиться, тратить на них деньги, не так ли?

— Да, существует такое мнение. Но я с ним не согласна, потому что я знаю много примеров, когда люди прекращали употреблять наркотики. Это действительно хроническое заболевание, и излечение от него не наступает. Но наступает длительная ремиссия, когда люди социализируются: строят семьи, заканчивают обучение, работают, приносят пользу обществу, и отказываться от них я как специалист абсолютно не готова.

Если говорить про наше социальное сопровождение, все завязано на том, чтобы объяснить человеку: «Употребляя наркотики, ты рискуешь своим здоровьем. Мало того, что ты можешь получить гепатиты, ВИЧ-инфекцию, у тебя нет вен. Страдает твой головной мозг — ты его просто убиваешь. Страдает твоя печень, может быть, постараться выйти из этой ситуации?» Не говоря уже о социальных и финансовых проблемах, которые несут за собой наркотики.

Никого из своих клиентов я не считаю безнадежным. Есть определенные моменты, которые мы используем в своей работе, мотивируя человека на отказ от наркотиков. Эта работа медленная, но плановая, и человек в итоге приходит к выводу, что он сам готов решить проблему с наркотиками.

Я против принудительного лечения вплоть до изоляции. Это насилие над человеком. Хотя клиенты иногда говорят: «Как же мне бросить? В наркодиспансер я не пойду, меня на работу не возьмут, если узнают, это плохо для меня. Может быть, в полицию? Пусть они меня поддержат 15 суток без наркотиков».

— Те, кто подпадает под наркотическую зависимость, — люди слабовольные?

— Я не могу выделить какую-либо одну причину. Чаще всего, это совокупность нескольких причин. Сказать, что он слабовольный... Не уверена, что я сказала бы «нет» в 15 лет, если бы мне предложили уколиться, притом что все вокруг потребляют. Смогла бы я сказать всем «нет»? А первые опыты начинаются в 13-16 лет, когда человек еще незрелый и когда все делают это. Он попробует, даже если в его семье это не принято.

У каждого человека все очень

индивидуально. К этому приводят какие-то личные причины. Они знают, где найти наркотик, как найти деньги, но они не знают, как избавиться от наркозависимости — вот этого инструмента по всей России нет. У нас есть культура потребления наркотиков, но нет культуры избавления от наркозависимости.

— А страх перед наркозависимостью не может послужить этим инструментом? Можно ли внушить его дома, в школе?

— Есть понятие «равное — равному». Родители для ребенка — люди старые, они старшее поколение, «которое ничего не понимает, а вот мне друг сказал...» Доверие к ровеснику гораздо выше. Во-вторых, когда мы запугиваем кого-либо, человек начинает искать информацию на стороне. Я сказала «плохо», вы

30% бывших заключенных — алкоголики, остальные (процентов 60%) потребляют алкоголь на уровне бытового пьянства. Нарушить закон для них — норма жизни. Потребляют или потребляли наркотики около 40%. Разве может ребенок вырасти другим, видя вокруг себя это окружение? Сестра в тюрьму — нормально, водки выпить — нормально, уколиться — тоже нормально. Для этого растущего человека это — нормально. Часто говорят: «Наркотики — это блажь». Это не блажь, а обусловлено социумом. Может быть, я приукрасила, но, тем не менее, это так.

Есть масса людей, у которых нет такого примера перед глазами. Может быть, они ищут новые ощущения. И опять же, не забывайте, что человек, потребляющий наркотики, все равно привлекает к потреблению других.

Наркоман вовлекается в преступную среду, приносит бездну несчастий, разрушает свое тело и душу

сказали «плохо», еще кто-то сказал «плохо» — он будет искать информацию у ровесников и в Интернете. Не факт, что там ему тоже скажут «плохо». Могут сказать: «Хорошо, я пробовал».

За период работы в нашем Центре мне приходилось часто разговаривать с подростками из выпускных классов и со студентами первых курсов. Я поняла, что не надо их запугивать, потому что это вызывает обратную реакцию: «Вы врете, вы преувеличиваете». И они уже не поверят никаким вашим словам. Поэтому моя точка зрения — честно разговаривать с детьми.

— Верно ли утверждение, что к наркотикам больше тянутся дети и подростки из неблагополучных семей? Есть ли причинная связь с тем, из какой ты семьи?

— Нет, но есть несколько моментов. Представьте себе двор, в котором около 70% людей побывали в местах лишения свободы. Около

Делается это ради денег. У меня уже нет денег, но мне надо уколиться, чтобы чувствовать себя более или менее по-человечески, чтобы меня не ломало. И вдруг я встречаю человека и говорю ему: «О, это так круто, так хорошо». Зачем? Я вижу, что у него есть деньги. Я найду деньги, угощу раз-два, а потом скажу: «Слушай, пора платить». Такую схему тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Что касается того, в каком дворе, в какой семье больше наркоманов... В тех же неблагополучных семьях может вырасти человек, который на дух не переносит алкоголь, даже никогда не курил. Что действует в этом случае — очень сложно сказать. У нас было много клиентов. Конечно, больше тех, кто не в состоянии оплатить свое лечение, но были дети финансово благополучных родителей. Разница небольшая и в знаниях, и в том, как же выйти из этой зависимости. Для меня,

Наталья Гайворонская, руководитель службы социального сопровождения АНО «Центр АнтиСПИД»

честно говоря, нет никакой разницы, из какой ты семьи.

— А как Вы строите отношения с родителями, они Вас поддерживают?

— С родителями или другими близкими людьми наркоманов — их называют созависимыми — должна вестись отдельная работа. В процессе потребления наркотиков кем-либо из членов семьи в эту проблему вовлекается вся семья. К примеру, человек, сходя на реабилитацию или детоксикацию, возвращается в дом. И у близких людей к нему завязанные требования: все, ты вылечился, теперь иди работать. А человек не может пойти и устроиться на работу только потому, что он не знает, как разговаривать с людьми, не потребляющими наркотики. И о чем с ними вообще можно говорить, если он знает только про наркотики.

И тут начинаются конфликты внутри семьи. Он вернулся: они остались теми же, а он изменился. Было проще, когда он употреблял наркотики, потому что он был плохим для них, а тут: кто он, что он? Это очень сложно.

— Вы верите, что человека можно вылечить, направить, держать на том уровне, на котором он не падает, не деградирует? Приведите, пожалуйста, положительный пример из жизни.

— Да. Такие примеры есть, и они меня радуют. Был мальчик, он пришел к нам в 19, больше года был у нас на сопровождении. Мне было очень приятно видеть, каким он стал после лечения. Приходил замухрышка, грязный, вечно орущий, а вернулся спокойный, чистый. Нашел себе девушку, работу. Еще был мужчина лет сорока — полжизни колослся, был в местах лишения свободы. Мы работали с ним, разговаривали, мотивировали: «Сколько можно колоться? Надо бросать, давай, пробуй». Бросил. Ребенок у него родился, девочка. Это греет душу, заставляет дальше работать.

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.

Полный текст:

<http://www.epochtimes.ru/content/view/49677/54/>